

В ожидании Воланда |

Auteur: Архивы, [Архивы](#) , 12.12.2007.

Что общего у Булгакова и Мольера, русских и швейцарцев, москвичей и жителей Женевы? Все смешалось в жизни главного режиссера женевского Театра де Каруж Франсуа Рошэ. Попробуем распутать клубок.

Н.Г.: Г-н Рошэ, откуда у Вас такая любовь к русскому театру?

Франсуа Рошэ: Во-первых, я считаю своим долгом продолжать традиции Театра де Каруж, который имею честь возглавлять и который был создан в 1958 году Франсуа Симоном, находившимся под огромным влиянием Жоржа и Людмилы Питоеффых. Вообще, в 20-е годы прошлого века в женевском квартале Каруж, тогда достаточно бедном, жили многие русские эмигранты, которые и прозвали квартал на русский манер - Каружка.

Во-вторых, мое собственное воспитание, и в семье, и в театральной студии Франсуа Симона, неразрывно связано с русской литературой. Достоевский и Толстой для меня - не иностранцы, они - неотъемлемая часть моей культуры. Я убежден, что нет и не может быть театра без Чехова и Островского, как не может стать Артистом актер, не изучивший работ Станиславского, Вахтангова и Мейерхольда.

Поэтов я открыл для себя уже в зрелом возрасте и даже начал изучать русский язык, но увы, теперь подзабыл... Вот уйду в конце сезона из театра, стану снова «вольным художником», займусь!

Н.Г.: Вы можете начать практиковаться благодаря «Нашей газете»!

Ф.Р.: А что вы думаете, и начну! Я уже побывал на вашем сайте, даже кое-что понял.

Н.Г.: Вы проводите «русскую линию» не только в Женеве, но и за пределами Швейцарии.

Ф.Р.: Конечно, ведь меняется место моей работы, а не я сам. В течение нескольких лет я возглавлял Норвежский национальный театр - устроил в Бергене вечер в честь Елены Боннер, читали Пушкина и Ахматову. Потом я работал, с 1995 по 2001 год, директором Театральной школы при Гарвардском университете в Бостоне и параллельно - со-директором театра American Repertory. Тогда я очень тесно сотрудничал со школой-студией МХАТ и СГУ. Педагоги студии до сих пор регулярно читают в Бостоне лекции. А в самом здании МХАТ есть студия, которая числится за Гарвардом. Поставленный мною в Москве спектакль по Цветаевой с успехом шел в Нью-Йорке. В 1989, в Бергене, поставил «Бурю» Островского. А в 1991 году моя постановка «Орестеи» Эсхила, с участием Игоря Костолевского, успешно прошла на сценах Бергена, Невшателя и Москвы...

Н.Г.: Помните ли Вы свой первый приезд в Москву?

Ф.Р.: О да! Это было в 1989 году, как раз в тот день, когда Горбачев на глазах у всех отключил микрофон Сахарову. С тех Москва очень изменилась, но осталась моя любовь к этому городу, к его людям, к его театрам. Приезжая туда, я обязательно иду в скверик у Патриарших прудов, сажусь на знаменитую скамейку и жду - не покажется ли Воланд.

Н.Г.: Удивительно, что Вы находите время для таких прогулок, ведь в Москве Вы обычно по делам.

Ф.Р.: Это правда! Я с большим удовольствием сам работаю в Москве и «вывожу» моих российских коллег сюда. В 1993 поставил пьесу Витрака «Виктор, или Дети власти» в Московском Театре Сатиры, которым еще руководил В. Плучек, пригласил на заглавные роли Елену Романову и Игоря Косталевского. А тогда приглашать «чужих» актеров было не принято. В том же году пригласил этих прекрасных актеров играть в пьесе Виала «Ателье» в женевском театре Сент-Жевре. В 2002 году поставил, в Школе современной драмы, «Событие» Набокова, потом пригласил в Каруж Романа Козака, который поставил спектакль по Петрушевской, тогда совсем в Швейцарии неизвестной. Масса воспоминаний, масса планов...

Н.Г.: Почему в качестве подарка зрителям к юбилею Вашего театра Вы выбрали произведение Булгакова, да еще далеко не самое известное?

Ф.Р.: Меня очень давно занимает вопрос взаимоотношений между творческой личностью и властью. А и Мольер и Булгаков на себе испытали и милость и немилость властителей своего времени. Как Людовик XIV то осыпал Мольера подарками, то гнал с глаз долой, так и Сталин сначала восторгался Булгаковым, а потом запретил печатать его произведения. Хорошо, что не убил. Впрочем, его знаменитое «открытое письмо» 1929 года было равносильно смертному приговору. А потом раз - в 1932 разрешили поставить «Дни Турбиных», одно из любимых произведений Сталина.

Роман Булгакова, посвященный Мольеру, это дань уважения родственной душе. Произведения Мольера играют во всем мире и 300 лет после его смерти, я уверен, что та же «участь» ждет Булгакова.

Н.Г. :Известно, что Булгаков очень любил Мольера. А если бы они вдруг поменялись местами во времени, думаете ли Вы, что Мольер ответил бы взаимностью?

Ф.Р. :Я думаю, что Мольер также любил бы Булгакова, но отнесся бы с гораздо меньшей симпатией к Людовику XIV, чем когда жил в свое время при его царствовании: сталинский террор заставил бы его лучше понять, что Король-Солнце был далеко не таким светлым, как казался!

Н.Г. Не собираетесь ли показать Вашу постановку в России?

Ф.Р.: Очень на это надеюсь! Сергей Арцыбашев уже предложил мне сделать это в руководимом им театре имени Майяковского. А я бы тогда пригласил его сюда - с новой версией «Женитьбы» Гоголя. Остается дело за малым - найти спонсора!

P.S. От редакции : Дорогие читатели, если среди вас есть театралы, готовые помочь в реализации этого достойного проекта - «Наша Газета» вас не забудет! А в Женеве спектакль по Булгакову можно будет увидеть с 15 января по 10 февраля 2008 года.

Фото: Marc Vanappelghem

[Россия](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/v-ozhidanii-volanda>